Посёлок Нюйский станок расположен на берегу Лены. Лена в этом месте узка, необыкновенно быстра и очень угрюма. Унылый гул лиственниц на горных хребтах составляет вечный аккомпанемент к этому печальному существованию... В избушке, где я ночевал, на столе горела керосиновая лампочка, примешивая к сумеркам комнаты свой убогий желтоватый свет. За столом сидел старик с довольно красивым, но бледным лицом. Борода у него была серая, с ровной густой сединой, высокий обнажённый лоб отливал желтизной воска. Рядом с ним сидел мальчик лет около восьми. Мне была видна только его наклонённая голова с тонкими, как лён, белокурыми волосами. Старик, щуря сквозь очки свои подслеповатые глаза, водил указкой по странице лежавшей на столе книги, а мальчик с напряжённым вниманием читал по складам. С-о...со, л-о...ло, в-е, и краткое... Мальчик остановился. Незнакомое слово, очевидно, не давалось... Старик сощурился и помог: Соловей, — прочёл он. Со-ло-вей... Что такое? Птица, — сказал старик. Птица... — И он продолжал чтение: — Соловей си-дел... на че... на че-рё... на че-рё-му-хе... Что такое? — опять вопросительно прозвучал, как будто деревянный, безучастный голос ребёнка. На черёмухе. Черёмуха, стало быть, дерево. Он и сидел. Сидел... Зачем сидел?.. Болыная птица? Махонькая, поёт хорошо. Мальчик безучастно прочёл ещё какую-то фразу и вдруг остановился. А что, дед, — спросил он, — нам не пора ли, гляди?.. — На этот раз в его голосе слышались уже живые, взволнованные ноты, и светлые глаза с видимым любопытством обратились на деда. Тот посмотрел на часы, потом на окно с клубившеюся за стёклами мглою и ответил спокойно: Рано ещё. Только половина!.. Прошло минут двадцать. Старик взглянул на часы. Одевайся, — сказал он мальчику. Тот принялся одеваться с осторожной торопливостью, и вскоре обе фигуры промелькнули в сумерках комнаты. Мой сон прошёл. Я решил посмотреть, что это их выманило из избы в туман и холод. Оба — старик и мальчик — стояли на крыльце, заложив руки в рукава и как будто чего-то ожидая. Что это вы ждёте? — спросил я у старика. Да вот, внучку охота солнушко посмотреть, — ответил он. Мальчик резко задвигался и тронул деда за рукав... До сих пор это место казалось каким-то тёмным жерлом, откуда всё ещё продолжали выползать туманы. Теперь над ними, в вышине, на остроконечной вершине каменного утёса, внезапно как будто вспыхнула и засветилась верхушка сосны. Прорвавшись откуда-то из-за гор противоположного берега, первый луч солнца уже коснулся этого каменного выступа. Мальчик стоял неподвижно, держась за рукав деда. Его глаза были расширены, бледное лицо оживилось и засветилось восторгом. Между тем в вышине что-то опять дрогнуло, затрепетало, и другой утёс, до сих пор утопавший в общей синеве угрюмого фона горы, загорелся, присоединившись к освещённой группе. Мальчик опять дёрнул деда за рукав, и его лицо уже совершенно преобразилось. Глаза сверкали, губы улыбались, на бледно-жёлтых щеках, казалось, проступал румянец. За горами совершалось что-то ликующее и радостное. Дно расселины всё разгоралось. Казалось, солнце подымается с той стороны по склонам хребта, чтобы заглянуть сюда, в эту убогую щель, на эту тёмную реку, на эти сиротливые избушки, на старика с бледным мальчиком, ждавших его появления. И вот оно появилось. Несколько ярко-золотистых лучей брызнули беспорядочно в глубине расселины между двумя горами, пробив отверстия в густой стене леса. Огненные искры посыпались пучками вниз, вырывая из синего холодного сумрака то отдельное дерево, то верхушку сланцевого утёса, то небольшую горную полянку... Косые лучи скользнули по убогим лачугам, отразились в слюдяных окнах, ласково коснулись бледного, восхищённого лица мальчика...

(По В. Г. Короленко*)

*Короленко Владимир Галактионович (1853-1921) — писатель, журналист, публицист, общественный деятель.